

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

.....

И В А Н
ГРОЗНЫЙ

Сожженная Москва

Москва

2020

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Иван Грозный. Сожженная Москва / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Русский исторический бестселлер).

ISBN 978-5-04-108320-5

1571 год. Иван Грозный обеспокоен частыми вылазками крымских татар. Кочевники тайно проникают через русские кордоны и пытаются разведать расположение укреплений и удобные переправы через реки. Царь поручает своему приближенному Махайле Бордаку выяснить истинные намерения противника. На Изюмском шляхе отряд Бордака настигает лазутчиков и берет в плен «языка». Тот сообщает о предстоящем нашествии ордынцев. Нужно срочно предупредить государя. Но посланные с тревожной вестью гонцы попадают в засаду и погибают. Тучи над русским порубежьем сгущаются...

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108320-5

© Тамоников А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как только солнце поднялось над горным хребтом, мужчина средних лет в костюме, выдававшем в нем литвина, вышел из калитки сплошной линии уличной ограды. Остановился, погладил непривычно гладкий подбородок — бороду до появления в Крыму пришлось сбрить, что тоже указывало на его принадлежность к подданству Речи Посполитой, — и вздохнул. Со двора появился невзрачного вида местный житель.

— Что встал, Михайло? — спросил он мужчину на довольно чистом русском языке.

— Кафа, — коротко ответил тот.

— Что, Кафа? — не понял татарин.

— Ничего, Ризван. Ненавижу этот город!

— Не нравится? Но почему? — удивился хозяин подворья. — Красивый город, посмотри, широкие улицы, голубая бухта, все в зелени, в садах, дорогие дома, крепость. А мечети и православные храмы? Фонтаны?

Улица, где стояло подворье, находилась на возвышенности, откуда хорошо просматривалась вся Кафа.

— Да, — проговорил мужчина, — дома, улицы, храмы, мечети, фонтаны, караван-сарай, кофейни, чайханы, лавки, базары и бухта, полная судов. Ты только не вспомнил еще об одной достопримечательности своего славного города — «площади слез». Кстати, там тоже красиво, когда нет торгашей и невольников.

— Вот ты о чем? — сдвинул тюбетейку на затылок татарин. — Но кто же виноват, что здесь издавна устроен невольничий рынок? И замечу, он в Крыму не один.

— Ладно, — кивнул мужчина и, расстегнув ворот рубахи, добавил: — День сегодня обещает быть жарким, но нравится не нравится, а треба сполнять повеление. Ты уверен, что человек мурзы Азата будет сегодня на рынке?

— Курбан, что должен встретить тебя на площади, заверял, что будет, а там — как Всевышнему угодно.

— Пошел я, Ризван. Похож на литвина?

— Я долгую жизнь прожил здесь, в городе, где все перемешано, и восток, и запад, и юг, и север, и можешь поверить — похож. Правда, мне непривычно видеть тебя без бороды.

— Не бреди душу, самому противно, — прервал мужчину татарина.

— Ты меньше гладь щетину и вполне сойдешь за литвина.

— Добре, басурман, благодарю за приют, хлеб-соль, кров.

— Нынче не вернешься?

— Не ведаю. Не должен, но как разговор с мурзой сложится...

— Хранит тебя твой бог!

— У нас один бог.

— Не будем спорить, расставаясь, кто знает, когда еще увидимся.

— Бывай! — Мужчина поправил головной убор и пошел вниз по улице.

Татарин проводил его взглядом, осмотрел улицу, никто не видел, что чужак вышел из его двора, и то хорошо. Затем вернулся во двор и позвал жену:

— Ирада!

— Да, Ризван? — отозвался молодой голос.

— Иди сюда, бездельница!

Тем временем тайный посланник Москвы в Крымском ханстве Михайло Бордак прошел из одной части города в другую и вышел на широкую улицу. Здесь, в отличие от окраин, жизнь уже всю кипела. Тут всяких полно, и татары, и турки, и генуэзцы, и греки, даже эфиопы в национальных нарядах, невообразимо красочных и в то же время безвкусных, богатые и нищие в лохмотьях. И речь всякая, громкая, крикливая. Складывалось ощущение, что люди вышли на улицу, чтобы покричать друг на друга. Орала ослы, скрипели арбы, со всех сторон лилась му-

зыка уличных музыкантов, торгаши зазывали в лавки, расхваливая товар. После Москвы и городов русских тут можно было одуреть. Шум и гам выматывали душу. Но таков этот приморский город — с роскошью дворцов и храмов, статуй, фонтанов и нищетой чрезмерно мелких улочек и проулков, где вплотную теснились крохотные дома и где легко можно было угодить под смердящую жижу и мусор, выбрасываемый через забор владельцами этих лачуг.

Кафа знала разные времена. И подъемы, и упадки, то в ней хозяйничали генуэзцы, то османы. Последние через крымского хана Девлет-Гирея пришли и сейчас. Они отняли Кафу у генуэзцев и привнесли свою восточную культуру вперемежку с бескультурьем. Рядом с роскошными дворцами поднялись богатые мечети с высокими минаретами, здания бань, кофейнь. Была Кафа, стала Кучук-Стамбул или Крым-Стамбул, малым Константинополем. Но название не прижилось, и Кафа осталась Кафой. Уже другой, но Кафой. Своеобразие города восхищало и угнетало, даже пугало тех, кто приезжал сюда впервые.

Михайло Бордак был здесь не первый раз, ныне под видом купца из Литвы. Но и он ощущал себя в Кафе подавленно, раздраженно. А может, это оттого, что приходилось менять свой облик? Брить бороду, отращивать волосы, подстригать усы, что на Руси являлось неприличным, чуждым.

Он шел в задумчивости, прося Господа о том, чтобы встреча с одним из влиятельных крымских вельмож состоялась в назначенное время и не пришлось бы ждать, приходя ежедневно в проклятое место, а, отчитавшись, уехать в родную Москву. Оттого и не заметил татарчонка, державшего на плечах внушительных размеров тюк. Этот тюк и ударил в голову Михайло. Но он, крепкий телом, устоял, а вот щуплый, но жилистый татарчонок, по сути, отрок еще, споткнулся, свалился на мостовую и тут же закричал по-татарски:

— Ослеп, литвин?! Не видишь, что кругом люди?!

Бордак хотел помочь ему подняться, но татарчонок, шипя змеей, встал сам и позвал ближних людей, таких же, как он, чтобы помогли поднять тюк. Злобно ругаясь на неповоротливого литвина, он скрылся в проулке.

Теперь Михайло шел по улице, уже осматриваясь. Совсем рядом, едва не зацепив его, прогромыхла арба, что тащил ишак. Бордак удивлялся этому животному. Ростом невелик, а бывает, нагрузят на него целый воз всякой всячины, да еще погонщик сверху взгромоздится, и стоит ишак, опустив голову, пока погонщик не ударит его длинной палкой по растопыренным большим ушам с командой, напоминающей шипение змеи — что-то вроде иши или ищъ, — и волочит животное воз с возницей. Мимо пробежали водоносы, тащившие объемные бурдюки с чистой родниковой водой к подворьям, за заборами которых виднелись дома в несколько этажей.

— Дай деньгу, дай деньгу, иноземец, — схватила Михайло за рукав какая-то нищенка.

Еле отбился от нее, бросив на мостовую мелочь, и ускорил шаг, видя, что солнце поднимается все выше и выше.

Встреча с местным вельможей должна состояться до полуденного намаза, след поторопиться. Главное, чтобы Курбан пришел.

Торговец лепешками чуть ли не под нос сунул горячий товар: — Возьми, литвин, вкусно!

Пришлось купить. Но о том Михайло не пожалел, лепешка действительно была вкусной.

Наконец он прошел эту торговую улицу. Теперь следовало свернуть на улицу малую. И вот тут сердце московского посланника словно железным обручем сжало. Рука невольно потянулась к поясу, под которым закреплена сабля в ножнах.

Удержался, но как хотелось...

Он вышел на улицу, ведущую вниз напрямиком к так называемой «площади слез» — невольничьему рынку Кафы, печально известному далеко за пределами Крыма.

Невольников гнали сотнями. Мужчины и женщины, связанные между собой десятками, большинство в кандалах, от которых кровоточили босые ноги, окровавленные лохмотья, работорговцы не скупилась на удары плетью невольников, рядом в арбах корзины, в них... дети. Мальчики и девочки. Это очень ходовой и ценный товар, не уступавший молодым красивым девушкам, которых теперь ждала судьба наложниц в гаремах знати разных

стран. Последние — в праздничной одежде, брови подведены, румяна наложены, густые волосы уложены. Красавицы, да вот только в глазах печаль смертная.

Как уж удалось одной из женщин избавиться от пут, но удалось, и она, вырвавшись из строя, рванулась к ближней арбе, крича:

— Петруша, сыночек!

В ответ — детский плач. И женщина в плач.

Погонщики дело свое знали. Не добежала женщина до арбы. На ее тело обрушилась плеть, которая сбила с ног. Смуглый худощавый татарин с почерневшими зубами оскалился, как шакал, почувявший легкую добычу, вновь занес плеть над женщиной, чья спина адела рубцом первого удара, но тут раздался окрик старшего:

— Таиф! Стоять! — и чернозубый застыл на месте. — Ты что, поганец, хочешь, чтобы мурза спросил с нас за испорченный товар? Убери плеть, бабу в строй. И как она могла отвязаться?

— Веревки перегрызла, — фыркнул татарин, засовывая плеть в сапог с заостренным и изогнутым вверх носком. — Но Хамид-ага, если не наказывать строптивых, другие взбунтуются. Это же москали, они и в полону не послушны. Им только дай случай, с голыми руками на охрану бросятся.

— Бабу на место, и крепче привяжи ее к шесту, на ноги колодки.

— Так нету у нас боле колодок.

— У нас нету, у других попроси. И давай заканчивай этот беспорядок, сзади народ подпирает.

Один погонщик ничего с женщиной сделать не смог, она вскочила и вновь рванулась к арбе. Ее сбили с ног ударом кулака подоспевшие татары. Несчастную затащили в строй, привязали к шесту, шест — к другой женщине. Подошел молодой погонщик с колодками. Несколько ударов, и женщина уже еле передвигала ноги, оглядываясь на арбу, где все дети уже плакали. Плач в арбе, плач в толпе, повсюду плач, плач, рвущий душу. Так могли плакать только те, кто знал, что будет с ними дальше. Взрослых успокоили, но дети продолжали плакать. Плач пошел по другим арбам.

Михайло сжал кулаки. Эх, была бы его воля, вытащил бы саблю да порубал на куски эту басурманскую нечисть! Может, и сам бы лег здесь, изрубленный, но и погонщиков людей положил бы немало.

Он перевел взгляд на арбу, к которой так стремилась женщина.

В передней повозке два мальчика, годков по пять. Один похож на женщину, видать, и есть Петруша. Этим детишкам еще повезло, они живыми добрались до Крыма, а скольких убили по дороге и выбросили в канавы? Слабые и болезные татарам не нужны, кто будет платить за порченый товар? Посему и рубили головы всем, кто проявлял слабость. И это на виду у остальных. Рубили детей на глазах у родителей, рубили родителей на глазах у детей, зачастую, не сходя с тракта, прямо у дороги насильовали женщин, чьих-то дочерей, матерей, жен. Потому как для работорговцев это были не люди, это был товар. Хотя как знать, кому повезло больше. Тому, кто сейчас сидит в повозке, идет в толпе, или тем, кто остался растерзанным у дороги. Те по крайней мере отмучились, этих же адские, страшные муки ждали впереди. Всех. И Петрушу, которого наверняка купит какой-нибудь извращенец для утех своих безобразных, а мальчишка просто не выдержит и помрет в мучениях. И мать его, которая будет некоторое время развлекать нового хозяина, а потом, быстро состарившись, отдаст Богу душу от трудов тяжких, невыносимых. В полону долго не живут. Мужики выглядели хмурыми, бледными. Редко у кого не стояла метка татарской плети. Но их сковывали особо крепко, дабы не сбежали. Знали басурмане, что русский народ отчаянный, свободолюбивый. Оттого на рынке русских выставляли как невольников из земель польско-литовских. За русского платили меньше.

Прошла сотня рабов, за ней потянулась другая. И все то же самое, ослы тащат арбы с повозками, в которых дети, красивые молодые девушки, колонны невольников мужчин и женщин разных возрастов. Старых, пожилых нет, их просто забивали.

Бордак знал, как проходит торг. Сначала купцы разберут девушек, мальчиков, девочек, затем крепких мужчин и женщин, которых можно отправить на тяжелые работы, турки будут брать

сильных, им нужны гребцы на галеры. За день большинство невольников разберут. Торговцы после вечернего намаза — Магриба, когда солнце уйдет за горизонт, устроят пир, отмечая выгодный торг. Кто-то продаст невольников за хорошую цену, кто-то купит тех, кого в десять раз дороже перепродает в Турции или в Генуе.

Проданных невольников накормят. Ценный товар — щедро, не скупясь на кушанья, рабов для дальнейшей продажи — похлебкой, уложат спать, если в сей же день не отправят в море на судах, что сотнями стоят в порту, в бухтах.

Хуже всего придется тем, кого продать иноземным купцам не удастся. Этим ждет воистину ад земной. С такими обычно поступают дьявольски жестоко, изощренно, отрезают уши, рвут ноздри, прижигают каленым железом и бросают в темницы, чтобы потом использовать на самых тяжелых работах в городе, в каменоломнях, шахтах, да мало ли где еще, куда даже рабов, имеющих самых жестоких хозяев, не посылали. Кормить будут гнилым мясом подошедших животных, а то и бросив в темницы горсти порченого зерна, непригодного для домашнего скота. Воды глоток, и то грязной, протухшей. И бить, бить, бить, при любом поводе и безо всякого повода. И эти невольники будут просить Господа, чтобы ниспослал им смерть.

В тяжелых мыслях Михайло дошел до «площади слез». Со всех сторон пирамидальные тополя и минареты, дающие хоть какую-то тень. Фонтаны, среди которых в центре главный, низвергающий мириады брызг освежающей влаги. Спуск к морю. Торговцы людьми заняли свои места. Они горлопанили и тут же выставляли напоказ свой «товар», готовясь к шумной торговле в ожидании посетителей.

Бордак встал у фонтана и не сразу заметил, как к нему подползла страшная своим уродством старуха. Без ушей, волос, нескольких пальцев на руках. Страшно смотрелись черные дыры вместо глаз — когда-то ее лишили зрения.

— Человеке, помоги, коли душа в тебе еще осталась! — прошептала она по-русски.

— Кто ты? — спросил Бордак.

— Ты не литвин, — как-то напряглась старуха.

— А с чего ты вообще взяла, что я из Речи Посполитой? Ведь не зришь же?

— Запах одежды твоей. Очи выжгли, а нюх стал, как у собаки. Одежда на тебе литовская. А сам не литвин, ты... русский.

— Нет, старая, на сей раз подвел тебя нюх.

— Нюх не мог подвести, да и говор у тебя рязанский.

— Сама, что ли, из Рязани?

— Оттуда. А ты как попал сюда? Аль тоже, как басурмане, занялся собачьим делом несчастных полонян продавать?

— А если так, то что?

— Тогда будь ты проклят! И забудь, что русский. Ты... — Старуха не договорила и полезла обратно в тень.

Михайло заметил продавца лепешек, подозвал его, купил одну и окликнул старуху:

— Эй, старая, возьми хлеб!

— От тебя не треба ничего!

— Я не торговец, случайно здесь. И родом из Киева, хотя мать русская. Я не людьми торгую, а сукном.

— Не брешешь?

— Были бы очи, увидела бы, как перекрестился.

— Ты крестись, я учую.

Бордак перекрестился, и старуха подползла к нему. Михайло отдал ей лепешку, и она вонзилась в нее оставшимися зубами. Ела жадно, отрывая большие куски и глотая их, почти не пережевывая. После, как сбила голод, спрятала остатки еды под лохмотья, забралась на парапет фонтана, свесилась и, лакая, как собака, попила воды.

— Спасибо, — упала она к ногам Бордака.

— Возьми немного денег.

— Пошто за так даешь?

— По то, что... не важно, бери!

Михайло бросил монеты, и они тут же исчезли в лохмотьях.

— Давно ли тут маешься, старуха?

— Да уж двадцатый годок в полоне. Девкой попала к татарам, когда село наше они разграбили.

— Что за село?

— Смеяться будешь. Веселым село называлось.

— Девкой, молвишь? Сколько же тебе тогда годков было?

— Шестнадцать.

— Погоди, это что ж, тебе ныне тридцать шесть лет?! — удивленно воскликнул Бордак.

— Да, — вздохнула старуха. — А дашь сколько? Все шестьдесят? Да только тут до таких лет не доживают. А выгляжу древней старухой из-за пережитого в полоне. Меня Глафирой на селе звали, тут стали звать Гульнаррой. На этом самом рынке местный вельможа купил к себе в гарем. Знал бы ты, как я танцевала. Научили меня танцу, танец живота зовется. Мне равных не было. Бек вельми доволен был, часто в покои свои звал. А я все о родине думала, мыслила, как бежать отсель. Но как и куда сбежишь? Недолго жизнь моя в «золотой клетке» продолжалась. Однажды в танце ногу сломала. Случайно, но так, что хромать стала. А хромая наложница кому нужна? Отдал меня бек своему верному нукеру Амиру. А тот ох лют был и до баб охоч. Что он вытворял со мной, о том и вспоминать тяжко. Это он изуродовал меня. И отправил на работы в хозяйство своего брата, такого же зверя. Захворала я, ну, новый хозяин и выбросил меня на улицу. Выжила чудом. Молилась дюже, сюда приползла и уже год как тут обретаюсь. Но недолго мучиться осталось. Скоро помру я.

— Пошто молвишь речи непотребные? Кому когда помирать, решает только Господь.

— Эх, добрый человек, и я о том ведаю. Осенью помру. Но покада я к себе в нору, а то еще неприятности у тебя из-за меня будут. Благодарствую за все, прощевай.

Бордак не стал останавливать эту тридцатишестилетнюю женщину, превратившуюся за годы полона в дряхлую, больную старуху, и Глафира-Гульнара уползла.

А Бордак осмотрелся. Человека, что должен был быть на площади, нет. А солнце все ближе к зениту. Начало припекать. Август месяц здесь жаркий. Иногда ветер со стороны моря приносил прохладу, но она не спасала. На небе ни облачка. И солнце словно хочет выжечь этот проклятый город.

Михайло услышал сзади крики торговцев. Обернулся. И заинтересовался. Недалече татарский купец пытался продать турку ту самую женщину, что бросалась к своему сыну на площади.

Покупатель бесцеремонно задирает платье невольницы, в которое ее, видно, переодели перед торгом, ощупывал икры, ляжки, ягодицы, руки, спину, лицо и цокал языком:

— Да она с виду только здоровая, а сама слаба, мышцы хилые.

— Хорошая, сильная баба, что ты, Булут! На ней пахать и пахать. Ты же знаешь меня, я плохой товар не продаю.

— Раньше у тебя лучше бабы были. Мальчишка, слов нет, хорош. Его можно продать в Константинополе, он понравится многим знатным вельможам. За него дам четыреста акче, как просишь, а вот за бабу только сто пятьдесят.

— Да что ты, Булут? Цена уруса непокорного двести пятьдесят акче, а ты за женщину, которую и на работы отправить можно, и в постели еще ублажит, сто пятьдесят?

— Больше не дам.

— За сто пятьдесят не продам.

— Тогда покупаю одного мальчишку.

— Если так, то цена его уже пятьсот!

— Ты хочешь поссориться со мной?

— Не разлучайте с сыном. Прошу вас, — прошептала женщина.

Продавец повернулся, ударил ее по щеке:

— Заткнись, свинья! Еще слово, и насмерть заporю!

Бордак, слыша все это, двинулся к торгашам. Бесцеремонно оттолкнул турка, несмотря на то что рядом стояли его нукеры.

— Отойди, дай товар посмотреть.

— Я смотрю, не видишь, литвин?

— Эй ты, продавец! — не обращая внимания на турка, крикнул Бордак татарину. — Сколько просишь за женщину с ребенком вместе?

Продавец расплылся в похотливой, хитрой ухмылке:

— Для тебя, уважаемый, бабу отдам за триста акче, пацаненка — за пятьсот. Хорошая цена.

Женщина пустыми глазами печально смотрела на нового покупателя. Знала, что тот слышал, о каких деньгах до него шел спор, но торг есть торг. Продавец устанавливает цену, покупатель либо соглашается, либо пытается сбить.

— Хорошо. Я покупаю товар, — не имея времени на торг, согласился Михайло.

Татарин едва не подпрыгнул от радости. Такого он не ожидал.

— И мать, и дитя берешь?

— Да, вместе.

— Ай, хорошо, ай, правильно! Видишь, Булут, есть люди, которые знают настоящую цену хорошему товару.

— Я с тобой больше не торгую, Мунис, — сплюнул на землю турок. — Продавай товар литвинам. Только что делать будешь, когда их самих здесь продавать начнем?

— А вот как начнем, тогда и поговорим, — кивнул татарин и повернулся к Бордаку: — С тебя восемьсот акче, литвин. Дозволь узнать твое имя?

— Мое имя тебе знать ни к чему. А деньги — держи.

Русский тайный посланник под видом литвина вытащил из-под рубахи кошелек, отсчитал из нее двадцать монет, а остальные деньги вместе с кошелеком кинул татарину.

Тот на лету поймал кошелек.

— Считай!

Продавец передал кошелек помощнику, сам же начал нахваливать уже проданный товар, причем громко, чтобы другие слышали, как дорого у него покупают невольников. А раз дорого, значит, и товар дорогой. Дорогой товар — хороший товар. К мурзе Мунису тут же подошли покупатели.

Бордак же кивнул женщине:

— Ты вот что, забирай сына и собирайся, да быстро!

— Да, да, я мигом! — обрадовалась она и бросилась к арбе, в которой уже половина корзин была пуста.

Мальчики и девочки продавались хорошо, но дешевле, нежели в случае с Бордаком, и совсем редко — вместе с матерью. Как правило, семьи невольников разделяли и продавали отдельно. Отца могли купить генуэзцы, детей — османы, мать — крымчане. И больше им не суждено было увидеть друг друга. Лишь в тех случаях, когда попадали под царский выкуп. На Руси выкупали невольников уже гораздо дороже. Но случаев, когда соединялись целые семьи, почти не было. Да и как выкупить их из разных стран?